

ПОСТМАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА: В ПОИСКАХ СИМВОЛИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ВЛАСТИ И ЭМАНСИПАЦИИ

Даниил Аркадьевич Тютченко,

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия,
nowayborov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 24.10.2022, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Тютченко Д.А. Постмарксистская философия языка: в поисках символических оснований власти и эмансипации // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 71–85. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_71

Аннотация

Постмарксизм позволяет критически взглянуть как на историю западного марксизма, так и на политически победивший либерализм. Одним из теоретических источников данной критики выступает наследие языкового поворота. Однако постмарксистская философия языка так и не была концептуализирована, что делает ее интерпретацию проблемным полем. Целью настоящего исследования является экспликация основных положений постмарксистской философии языка, а также определение отношения между ней и политической философией. Рассматриваются подходы к языку и коммуникации в трех постмарксистских теориях: дискурс-анализе Э. Лаклау, Ш. Муфф и близкого к ним на определенном этапе С. Жижека; политике события А. Бадью и Ж. Рансьера; постопераизме А. Негри, М. Хардта и П. Вирно. В процессе исследования доказывается, что постмарксизм рассматривает политику как языковую ситуацию, в рамках которой власть и субъект возникают в результате сигнификации. Автор приходит к выводу, что общим местом данной философии языка является утверждение его амбивалентной природы: и власть, и эмансипация имеют символические основания и зависят от интерпретации и артикуляции. Это позволяет проследить связь между философией языка и основными понятиями,

© Тютченко Д.А., 2023

используемыми постмарксистами. Теоретический проект постмарксизма определяется в работе как переосмысление марксизма и политической философии в целом с помощью инструментария философии языка. Также отмечается различие между постмарксистским и постмодернистским подходами к языковым играм и их значению для политики.

Ключевые слова:

постмарксизм, язык, коммуникация, гегемония, событие, несогласие, постфордизм.

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_71

POST-MARXIST PHILOSOPHY OF LANGUAGE: IN SEARCH OF SYMBOLIC BASIS OF POWER AND EMANCIPATION

Daniil A. Tyutchenko,

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia,
nowayborov@gmail.com

Article received on October 24, 2022, accepted on March 7, 2023

For citation: Tyutchenko, D.A. (2023). Post-Marxist Philosophy of Language: In Search of Symbolic Basis of Power and Emancipation. *Discourse-P*, 20(1), 71–85. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_71

Abstract

Post-Marxism allows us to take a critical look at both the history of Western Marxism and the politically victorious liberalism. One of the theoretical sources for this critique is the legacy of the linguistic turn. However, the post-Marxist philosophy of language has never been conceptualized, which makes its interpretation a problematic field. The purpose of this research is to explicate the main provisions of the post-Marxist philosophy of language and to determine the relationship between it and political philosophy. The article deals with the approaches to language and communication in three post-Marxist theories: the discourse analysis of E. Laclau, Ch. Mouffe and S. Žižek, who was previously close to them; the politics of the event of A. Badiou and J. Rancière; and the post-Operaism of A. Negri, M. Hardt and P. Virno. In the process of the research, it is proved that post-Marxism considers politics as a linguistic situation in which power and the subject arise as a result of signification. It is concluded that the common place of this philosophy of language is the assertion of its ambivalent nature: both power and emancipation have

symbolic foundations and depend on interpretation and articulation. This allows us to trace the connection between the philosophy of language and the basic concepts used by post-Marxists. The theoretical project of post-Marxism is defined as a rethinking of Marxism and political philosophy in general with the help of the tools of the philosophy of language. In addition, there is a difference between post-Marxist and postmodern approaches to language games and their implications for politics.

Keywords:

post-Marxism, language, communication, hegemony, event, disagreement, post-Fordism.

Введение

В современных дебатах об идентичности, репрезентации и коммуникации постмарксизм занял особое место. С одной стороны, он отвергает любые обскурантистские попытки возврата к «истокам» марксизма и «чистой» классовой политике, с другой – сохраняет критическую дистанцию по отношению к системе либеральной демократии. Ставя своей целью скорее улучшить демократические институты, чем преодолеть их, постмарксизм критикует популярные теории консенсуса и справедливости и предлагаемый ими подход к упомянутым проблемам (Mouffe, 1999, p. 2). Мы полагаем, что основанием этой критики является философия языка, лежащая в основе постмарксизма и определяющая подход к идеологии, субъективности и власти.

Исходя из этого, можно даже определить объект исследования. Несмотря на внешнюю противоречивость дефиниции, постмарксизм – это реконструкция марксизма через его деконструкцию, акцентирующая внимание на конструктивистском и контингентном потенциале наследия западного марксизма. Это особенно заметно, если учесть, что все проекты критического переосмысления марксизма пытаются примирить его с языковым поворотом, который в свое время поставил под вопрос эвристическую составляющую марксизма. Ни одна из постмарксистских теорий не могла бы возникнуть без деконструкции Ж. Деррида, психоанализа Ж. Лакана и исследований власти Жюльена М. Фуко. Но несмотря на общие теоретические основания, авторы, которых принято относить к постмарксизму, не единодушны в определении роли языка в конструировании социального и политического пространства. Мы остановимся на анализе проблемы символического в трех разных постмарксистских теориях: дискурс-анализе Э. Лакло, Ш. Муфф и С. Жижека; политике события А. Бадью и Ж. Рансьера; постопераизме А. Негри, М. Хардта и П. Вирно.

Во всех трех случаях мы постараемся показать, и в этом заключается наш основной тезис, что проблемы постмарксистской теории языка связаны с его амбивалентной природой. Язык конструирует идентичности, но он же служит основанием для их деконструкции. Любая коммуникация сохраняет тень насилия и властных отношений, но одновременно с этим дискommunikация имплицитно указывает на возможность перехода к диалогу. Гегемоническая

власть возникает в результате ряда успешных дискурсивных артикуляций, но это же делает ее нестабильной и открывает возможность для эмансипации.

Результаты исследования

Э. Лакло и Ш. Муфф были первыми, чью теорию критики назвали пост-марксизмом из-за их ориентации на интеграцию наследия французского пост-структурализма в марксизм и критическую теорию (Терборн, 2021, с. 224–225). Сами они не стали возражать против такого наименования и даже приняли его в качестве самоназвания. В предисловии ко второму изданию своей основной работы «Гегемония и социалистическая стратегия» они высказались об этом так: «Пересмотр марксистской теории в свете современных проблем требует деконструкции центральных категорий этой теории. Это то, что получило название постмарксизм» (Laclau & Mouffe, 2001, p. ix).

Деконструкция основных понятий марксизма ведет к созданию новой онтологической парадигмы. Иными словами, обновление онтического аппарата теории (например, пересмотр того, чем являются такие базовые для марксизма сущности, как «класс», «партия или «производство») неизбежно провоцирует более фундаментальные изменения на уровне онтологии, которую так или иначе подразумевает любая социальная теория. Таким онтологическим изменением, которое претерпел марксизм в процессе его критики и переосмысления в работах Э. Лакло и Ш. Муфф, можно назвать переход от эссенциализма к антиэссенциализму. Принципиальное отличие этих двух онтологических планов заключается в том, что эссенциализм в любых его формах, в том числе марксистской, исходит из додискурсивного существования социальных феноменов, определяющего их символическую артикуляцию. Например, сущность класса – это его положение в капиталистической системе разделения труда. Она, таким образом, рассматривается как полностью автономная от соответствующего ей дискурсивного опосредования и предшествующая ему. Более того, эта объективная и статичная сущность, определяемая экономически, детерминирует те означающие, которые репрезентируют ее. С точки зрения эссенциалистского подхода, рабочий класс уже всегда предрасположен к социалистической идеологии в силу своего экономического положения, и рано или поздно неизбежно придет к ней. Референт (материальные производственные отношения) активизирует пассивные означающие, которые влияют на субъектов, но только как индекс реальных отношений.

Теоретики дискурс-анализа стремятся перевернуть эту марксистскую формулу: социальные субъекты и объекты не предшествуют символическому порядку, а конструируются им. Для аргументации они обращаются к постструктуралистской философии языка, но в истории западного марксизма есть еще одна важная концепция, которая служит основанием их теории, – идея гегемонии А. Грамши. Он был первым, кто заметил, что марксистское понимание государства и политики, акцентирующее внимание в первую очередь на роли аппарата принуждения, не способно адекватно проанализировать режимы, в которых согласие преобладает над насилием. Любой режим, с точки зрения А. Грамши, становится устойчивым только в том случае, если господствующему классу удастся распространить свои ценности на все общество и сделать возможным добровольное принятие его власти остальными классами (Грамши,

1959, с. 86). Пространство, конструируемое гегемонией, является символическим, и борьба классов за его переопределение также принадлежит к этому регистру. Можно сказать, что авторы придают этой интенции абсолютное значение. Материальные отношения, которые прежде были отправной точкой марксистского теоретизирования, сводятся ими к сумме дискурсивных артикуляций. Следовательно, экономические противоречия имеют значение только в том случае, если они находят свое выражение в гегемонистском/контргегемонистском дискурсе наравне с другими его элементами.

Такой подход к гегемонии подрывает континуум марксистских категорий и их краеугольный камень – идею исторической необходимости. Отношения гегемонии и борьба в очерченных ими рамках носят принципиально контингентный характер – результат этой борьбы невозможно определить заранее, ссылаясь на логику развития производственных сил и производственных отношений. Контингентность затрагивает не только борьбу субъектов, но и саму генеалогию субъекта: идентичность не предшествует гегемонии, как считалось прежде, а учреждается и артикулируется ей или, словами Ш. Муффа, «власть должна пониматься не как внешнее отношение, существующее между двумя предустановленными идентичностями, а скорее как устанавливающее сами эти идентичности» (Муфф, 2004, с. 193). Это значит, что класс не предшествует классовой борьбе, а возникает в сложном процессе дискурсивной объективации и субъективации. Э. Лакло формулирует вывод из этого так: «Различие между движением и его идеологией не только безнадежно, но и неуместно» (Laclau, p. 13).

Однако дискурс-анализ не является просто марксистской интерпретацией деконструкции, как может показаться на первый взгляд. Чтобы прояснить статус реального (т.е. того, что влияет на символический порядок, но само не поддается символизации), они обращаются к психоанализу Ж. Лакана. По его мнению, символический порядок всегда структурируется вокруг реального, определяемого как нехватка, объект желания, который не может быть полноценно вписан в систему означающих. Следовательно, дискурс всегда конституируется своим недостающим элементом – реальным, функция которого внутри символической системы полностью негативна, его содержание сводится к имманентной невозможности быть репрезентируемым (Лакан, 2004, с. 57). С. Жижек, Э. Лакло и Ш. Муфф включают реальное в свою теорию похожим образом: единственным реальным, которое онтологически предшествует символизации и ускользает от нее, является сама непреодолимость социальных антагонизмов. Задача гегемонии, таким образом, заполнить лауну реального с помощью идеологического дискурса, который исключает противоречие из поля зрения интерпретированного субъекта. Подобный гегемонистский дискурс, впрочем, как и контргегемонистский, функционирует путем фиксации всей массы значений в центральном означающем – узловой точке (Жижек, 1999, с. 93). Например, для доминирующего сегодня неолиберализма такой узловой точкой является «экономическая свобода», вокруг которой структурируются все остальные означающие. Это указывает на еще один парадокс языка идеологии: его главный элемент, который задает значение для всех остальных, столь же произволен и не менее отдален от реального, чем любые другие; он не репрезентирует, но замещает собой реальную непреодолимость противоречий.

Как ни странно, понимание социальных и политических антагонизмов как неустранимых не ведет дискурс-анализ к критике демократии как таковой. Наоборот, она служит основанием для концептуального перехода от демократии консенсуса, главными сторонниками которой выступают Дж. Роулз и Ю. Хабермас, к радикальной демократии. Если идеалом сторонников консенсуальной модели является диалог равноправных субъектов, последовательно устраняющий все противоречия, то радикальная демократия стремится не нивелировать противоречия, а скорее обнажить их. Например, С. Жижек подвергает критике саму возможность существования пространства рационального диалога полностью равных собеседников. Любое социальное взаимодействие, в силу свойств самого языка, не свободно от насилия и принуждения: в нем сталкиваются субъекты, наделенные разным количеством власти и располагающие разными средствами выражения, чтобы обговорить ситуацию неравенства, их языки принципиально отличаются; один стремится оспорить статус-кво, а другой сохранить его (Жижек, 2010, с. 52). Несмотря на это, радикальная демократия в определенном смысле сама является коммуникативной средой субъектов, пусть неравных и противоборствующих. Она должна преобразовать антагонизм в агонизм или, иными словами, дискommunikативное отношение «друг – враг» в коммуникативное «союзник – соперник», основанием для которого является признание легитимности своего оппонента (Муфф, 2005, с. 195).

Здесь мы можем наблюдать амбивалентность языка, о которой было сказано во введении. В данном случае именно она открывает возможность для демократической политики: язык всегда отсылает к определенному насилию и неравенству, но оно оспаривается с его же помощью, превращая борьбу врагов в коммуникацию соперников. Двойственность языка, с нашей точки зрения, может быть объяснена только как следствие его зависимости от артикуляции. Субъект политики, вступая в борьбу за гегемонию, постоянно преобразует символическое пространство последовательностью высказываний. Таким образом, язык, будучи сам по себе нейтральным, служит целям разных субъектов, один из которых стремится сохранить текущее неравенство, а другой преобразовать его. И именно в результате этого он приобретает свои амбивалентные очертания.

Схожую точку зрения в отношении связи между языком и говорящим субъектом высказывают А. Бадью и Ж. Рансьер. Говоря об этих мыслителях, необходимо отметить, что несмотря на многолетний продуктивный диалог между ними и схожую биографию (оба принадлежали к так называемой школе Альтюссера в 1960-е гг. и участвовали в студенческом движении), они не образуют общей школы и имеют ряд существенных разногласий. Тем не менее мы расположили их теории вместе на основании фундаментального сходства: оба философа рассматривают политику как определенную языковую ситуацию, создаваемую столкновением интерпретаций.

Как мы могли увидеть выше, постмарксизм определяет политическое пространство не просто как непрерывный поток означающих, но пытается объяснить, каким образом этот поток приостанавливается и структурируется. Политика в этой перспективе понимается скорее как столкновение дискурсов, которым удалось зафиксировать множество означающих вокруг узловой точки, нежели просто как свободная языковая игра. В этом, пожалуй, главное отличие постмарксистской философии языка от постмодернистской, которую можно обнаружить

в трудах Ж.-Ф. Лиотара и Дж. Ваттимо. Основная задача постмарксизма, в том числе в работах Ж. Рансьера и А. Бадью, это не опровергнуть тезис о дискурсивном конструировании политического пространства и идентичностей (наоборот, эта идея охотно принимается), а обнаружить его более глубокие основания (в том числе в самом языке), чем те, которые предлагает постмодернизм. Отталкиваясь от этого тезиса, рассмотрим их теории политики.

Интересно, что А. Бадью сформулировал программу постмарксизма за несколько лет до того, как это сделали Э. Лакло и Ш. Муфф: «Устремление моего текста состоит в том, чтобы, не смиряясь с простой регистрацией беспомощности, предложить свой собственный способ деструкции марксизма и, предохранив его от вырождения, перейти таким образом к аксиомам переустройства политики» (Бадью, 2005, с. 44). Аксиоматический метод переосмысления марксизма (а следовательно, и политики как таковой) опирается на понятия, которые А. Бадью предложил в процессе разработки собственной онтологии, в первую очередь на событие. Французский философ, объединяя онтологический аппарат с политическим, определяет событие через противопоставление ситуации: «Я называю структурой ситуации существующий механизм «счета за единицу», квалифицирующего ситуацию как именно эту ситуацию в сфере представимого» и «Я называю событием то, что при режиме Единицы квалификация оставляет в остатке, следовательно, нарушение функционирования этого режима. Событие не дано нам, поскольку определяющим для всякой данности является режим Единицы. Так что событие является продуктом некоей интерпретации» (с. 61). Ситуация соответствует тому, что ранее мы называли символическим порядком: она закрепляет неравенство и дает ему обоснование. Событие, в свою очередь, связано с тем структурным элементом, который ставит это неравенство под сомнение и не может быть репрезентирован.

Таким образом, символическое в философии языка А. Бадью принадлежит к двум регистрам: репрезентативному (ситуации) и презентативному (события). Ситуация отражает то, как символически структурируется социальное целое. Она, по выражению французского ученого, «считает множество за единицу», т. е. формально репрезентирует всех субъектов без остатка, создавая иллюзию отсутствия внешнего и исключая событийность. В действительности ситуация (например, французская парламентская демократия), конечно, всегда предполагает остаток, кого-то неучтенного. Пример, который стал классическим для левых французских авторов – нелегальные иммигранты, которых во Франции называют *sans-papiers* («не имеющие документов»). Символическая структура ситуации не включает их в себя: нет ни одного означающего, которое репрезентировало эту часть сообщества. Однако при этом отрицается сам факт неучтенности. Отдельные субъекты настолько исключены из символического порядка, что их репрезентация объявляется невозможной. Мигранты без документов сводятся либо к рабочей силе, либо к фигуре нарушителя границы, подлежащего депортации – оба случая не подразумевают легального представительства.

Именно поэтому А. Бадью характеризует событие как презентивное – оно предъявляет сам факт своего существования, разрушая символический порядок ситуации. Однако это не значит, что событие располагается за пределами языка подобно лакановскому реальному. Событие сверхформально как раз потому, что оно дестабилизирует привычное отношение между означающим и означаемым:

означающее не просто указывает на него, но производит (презентирует) событие в этом процессе сигнификации. Поскольку событие является продуктом интерпретации, оно не существует до того момента, как обрело свою дискурсивную артикуляцию в интерпретативном акте. Эту самопрезентацию события через означающее можно сравнить с перформативом, т. е. таким высказыванием, чье содержание заключается в самом акте высказывания.

Конечно, событие нельзя редуцировать к означающему, даже самому субверсивному. У события всегда есть место локализации внутри ситуации, и само оно всегда конкретно, будь то политическая забастовка, научное открытие или поэма, иными словами, оно не является языковой игрой. Однако его значение, благодаря которому событие становится действительным, всегда задается ретроактивно как результат интерпретации или, точнее, наименования уже свершившегося (Бадью, 2003, с. 130). Принципиально важно, что субъект, по крайней мере политический, не предшествует этой интерпретации. Можно сказать, что субъект в работах А. Бадью – тот, кто осуществляет интерпретативное вмешательство, указывая тем самым на раскол ситуации, который приносит событие. Генеалогия политического субъекта дискурсивна в том смысле, что он конституируется актом интерпретации и его артикуляцией, не являясь при этом пассивным эффектом символической структуры, как предполагает (пост)структурализм. Это понимание субъекта отсылает нас к сформулированному ранее: язык не автономен от политического субъекта, но постоянно преобразуется его речевыми актами.

Однако субъект вмешательства, несмотря на свое дискурсивное происхождение, не является, выражаясь словами Ю. Хабермаса, «субъектом коммуникативного действия». А. Бадью настаивает на том, что событие не создает коммуникации: «Сегодня подняли большой шум вокруг коммуникации. Между тем, ясно, что именно некоммуникация, творя возможность из невозможного, способствует циркуляции истины в политике» (Бадью, 2005, с. 77). Событие, разрушая символическую ткань ситуации, не создает новое коммуникативное пространство, как предполагает Ш. Муфф, а указывает на ту точку, где диалог невозможен: результат коммуникации, предшествующей событию, скорее игнорируется, чем оспаривается. Например, символическая структура ситуации обычно исключает сам акт эмансипации как невозможный, но субверсивное действие (событие) и его интерпретация игнорируют эту формальную невозможность, предполагаемую коммуникативным консенсусом тех, чей голос учитывается. В вопросе коммуникации А. Бадью явно не учитывает, что политика сталкивается не только с необходимостью разрушения старого символического порядка, но и с созданием нового, а это неосуществимо без налаживания коммуникации между разными субъектами. Несмотря на это, с его точки зрения, теория коммуникации только маскирует полную неучтенность угнетенных.

Проблему учтенности и неучтенности подробно рассматривает в своих работах Ж. Рансьер. Он, как и А. Бадью, исходит из противопоставления – в его случае это оппозиция полиции и политики. Следуя за М. Фуко, он расширяет понятие полиции до универсального структурирующего принципа, определяющего распределение тел в социальном пространстве (Рансьер, 2013, с. 55). Напомним, что М. Фуко начиная с 1970-х гг. смещает акцент с языка на телесность, пространство и материальные практики. Конечно, он продолжает уделять большое

внимание анализу научных, юридических, медицинских и других дискурсов, но определяет конечную цель социального механизма, в который они встроены, как власть над телами. В итоге предлагается проект «политической анатомии», которая рассматривает дискурсивные и материальные практики власти в качестве стратегии контроля над телами дисциплилируемых субъектов (Фуко, 1999, с. 43).

Однако полиция в понимании Ж. Рансьера, хоть он и сохраняет заданный М. Фуко акцент на телесность, не только структурирует пространство, но и регулирует режим высказывания: «Это порядок видимого и внятного, согласно которому одна деятельность видима, а другая нет, одни слова воспринимаются как речь, а другие как шум» (Рансьер, 2013, с. 55). Можно сказать, что полиция объединяет две взаимосвязанные практики учета: с одной стороны, она задает материальную топику и практику субъекта, с другой – определяет, будет ли учтен его голос в общем коммуникативном пространстве. По этой причине французский философ определяет полицию как неполитический феномен (Рансьер, 2006, с. 99). Полицейские места (например, домашнее хозяйство для женщин или завод для пролетариев) и власть, локализованная в них, не являются политическими сами по себе, но политизируются субъектом в тот момент, когда он превращает их в место спора и заявляет, что его голос игнорируется. Иными словами, политика возникает вместе с языковой ситуацией, которая ставит под сомнение полицейский порядок учета мнений. Таким образом, не только ткань политического является дискурсивной, как утверждают Э. Лакло и Ш. Муфф, но сам объект политического спора – это язык и учет высказываний неучтенных.

На первый взгляд может даже показаться, что основа политической философии языка Ж. Рансьера – некий «лингвистический эссенциализм». Фундаментальным и единственным основанием спора (или, как чаще говорит автор, несогласия), отождествляемым с политикой, является равенство людей как говорящих существ: «Чтобы подчиняться приказу, необходимы по крайней мере две вещи: нужно понимать приказ и понимать, что ему нужно подчиняться. А для этого нужно для начала быть равным с тем, кто вами командует. Это равенство и разъедает любой естественный строй» (Рансьер, 2013, с. 40–41). Иными словами, политическое пространство конструируется спором об учете голосов, но сама эгалитарная общность, создаваемая языком, якобы является чем-то не оспариваемым и имманентным. На самом деле все несколько сложнее: у политики действительно нет другого основания, кроме равенства говорящих субъектов, но это равенство никогда не является действующим принципом само по себе. Обычный полицейский порядок любого общества, как мы отметили выше, предполагает неравный учет голосов и попросту игнорирует, что все субъекты в равной мере обладают способностью к артикулированной речи. Неучтенный субъект создает ситуацию равенства в тот момент, когда оспаривает полицейскую конфигурацию и утверждает, что его голос равноценен любому другому. Этим актом высказывания субъект доказывает, что общее коммуникативное пространство существует, хоть и не признается теми, чей голос учитывается. Подход Ж. Рансьера можно назвать эссенциализмом без эссенции: всеобщее равенство, будучи сущностью коммуникации, имеет смысл только при условии, что его актуализирует политический субъект, но никогда не действует непосредственно; это скорее предмет борьбы, чем метафизическая универсальность (Рансьер, 2006, с. 101). Наиболее важным выводом из этого

является то, что сам язык, пусть и в зависимости от определенной артикуляции, является продуктивным условием политики, направленной на достижение большего равенства.

Балансирование философии языка Ж. Рансьера между эссенциализмом и конструктивизмом имеет ряд важных последствий для теории репрезентации и субъективации. Если политика – это ситуация несогласия с исключением из общего коммуникативного поля, то политическая идентичность полностью гетерогенна по отношению к социальной идентичности. Социальную идентичность можно назвать включенной в том смысле, что она является необходимой частью социального порядка, рабочий и домохозяйка учтены именно как производящая сила в соответствии со своей социальной ролью трудящегося или воспитательницы детей. Политическая ситуация несогласия, противопоставляемая полицейской ситуации социальной диспозиции, в свою очередь создает сообщество неучтенных, которое не репрезентирует никакую социальную группу. Субъект несогласия Ж. Рансьера презентивен и перформативен в том же смысле, в котором таковым является субъект события А. Бадью: он не замещает себя каким-то «партийным означающим», но производится в результате речевого акта, который дает имя сообществу. Примером такого гетерогенного отношения между политической и социальной идентичностями в работах Рансьера служит пара «пролетарий – рабочий». Он с большим рвением доказывает, что референты этих двух означающих принципиально противоположны: «Пролетарии – не работники физического труда, не рабочий класс. Они – класс неучтенных, существующий только в самом заявлении, которым они учитываются как те, кто не был учтен» (Рансьер, 2013, с. 66). В этом смысле у пролетариата нет ни референта, ни денотата, и именно этот разрыв с символическим полем полицейской ситуации делает пролетариат политическим субъектом.

Таким образом, А. Бадью и Ж. Рансьер имплицитно предполагают двойственность языка, на которую мы уже указывали. Это особенно заметно, если обратить внимание на используемые ими противопоставления: структура неравенства называется ситуацией у А. Бадью и полицией у Ж. Рансьера. В обоих случаях она является символической и конструируется дискурсивно, но ее семантическая ткань разрушается, если язык артикулирует интерпретацию события (в терминах А. Бадью) или создает несогласие (в терминах Ж. Рансьера), что и делает язык амбивалентным. Важно, что у обоих мыслителей эта артикуляция отождествляется с политикой. Это подтверждает наш более ранний тезис об амбивалентности языка как условия демократической политики.

Другой взгляд на язык предлагают теоретики (пост)оперализма. Стоит сказать, что данные авторы, как и рассмотренные ранее, испытали значительное влияние французской теории: они часто ссылаются на М. Фуко, используют концепты Ж. Делеза, отдают дань уважения деконструкции Ж. Деррида и т. д. Одновременно с этим они принадлежат к самобытной традиции итальянского автономистского марксизма, и это в значительной мере определяет специфику их теории, в том числе в вопросе языка.

А. Негри и П. Вирно в период бурной политической борьбы в Италии второй половины XX в. принадлежали к нескольким радикальным политическим группам, которые разрабатывали альтернативную марксистскую теорию, так называемый операизм. Они отличались от других коммунистов тем, что делали

акцент на пристальном анализе капиталистической техники и непосредственного процесса труда рабочих. Как утверждал Р. Панциери, стоявший у истоков операизма, «капиталистическое использование машин не является простым искажением или отклонением от некоего «объективного» развития, которое само по себе рационально. Наоборот, машины определялись капиталом, который использовал их для дальнейшего подчинения живого труда» (Wright, 2017, p. 41). В работах операистов эта устойчивая система производства, в основе которой лежит ленточный конвейер, получила название фордизма. Именно с ним связан период относительной стабильности капитализма, интеграции рабочих партий и профсоюзов в государство и укрепления дисциплинарного режима.

Однако уже во второй половине 1970-х гг. фордизм начинает давать сбой: студенты и рабочие отказываются от однообразной работы в пользу той, которая способна дать бóльшую свободу самовыражения и активно выступают против дисциплинарного порядка. С этого момента все большее распространение получают аматериальные формы труда, основанные на коммуникации и задействующие эмоции людей. Не только в (пост) марксизме, но и в других социологических теориях эти фундаментальные изменения в капиталистическом способе производства были обобщены с помощью понятия постфордизма (Хардт, Негри, 2004, с. 246). В этом заключается особенность подхода постопераизма к языку. Он рассматривается как производительная сила, играющая решающую роль как в современном капитализме, так и в антикапиталистическом сопротивлении. С точки зрения рассмотренных ранее теорий, политический субъект производится субверсивной языковой ситуацией, в которой он заявляет о себе. П. Вирно и А. Негри согласны, что политический субъект, называемый ими вслед за Спинозой множеством, это *par excellence* лингвистическое явление, но оно имманентно современному капитализму (Вирно, 2013, с. 75). Подход постопераистов действительно можно назвать марксистским, т. к. он сосредоточивает внимание на процессе производства. Всеобщая коммуникация предстает в этом свете почти как некая форма классовой борьбы: пролетариат преодолевает ограниченность фордистского капитализма и путем внедрения языка и культуры освобождает себя от монотонного труда.

Несмотря на этот освобождающий потенциал языка, А. Негри и М. Хардт, как и другие постмарксисты, в своих совместных работах акцентируют внимание на свойственной ему двойственности: «Во все большей степени языковая общность влияет на прибыли, а также возведение локальных и глобальных иерархий. Язык поддерживает иерархические связи, по крайней мере, в трех отношениях: внутри каждой языковой общины – обеспечивая сохранение знаков общественного превосходства и неполноценности; между языковыми общинами – устанавливая преобладание одного языка над другими, скажем, доминирование английского языка в глобальном масштабе; и, наконец, в технических языках – где возникает взаимосвязь между властью и знанием» (Хардт, Негри, 2006, с. 159). Но постфордизм, будучи модусом капитализма, который более не способен подавлять творческую активность масс, вооружает субъекта инструментами борьбы с этими символическими иерархиями. Поскольку коммуникация становится неотъемлемой частью производства, то и борьба с иерархией осуществляется повсеместно. Поэтому стоит не искать отдельные точки локализации (события) политики, а признать ее ризоматичный характер.

Политика понимается как всеобщая не только на основании того, что субъект повсюду сталкивается с властными практиками (это, как показал М. Фуко, характерно и для дисциплинарного общества, которое появилось задолго до постфордизма), но и потому, что автономия частной жизни больше невозможна: постфордистский капитал разрушает демаркацию между рабочим и свободным временем, а его заточенность на коммуникацию делает частные места общими в лингвистическом смысле (Вирно, 2013, с. 30). Этот тезис можно рассматривать как еще одну попытку обоснования универсалистской политики: язык субъекта все меньше подходит для выражения партикулярных различий, свойственных отдельным идентичностям, и все больше способен артикулировать протест против системы глобального неравенства, которую А. Негри и М. Хардт удачно назвали империей.

Как мы уже заметили, философия языка разных авторов влияет и на то, как они видят возможные пути сопротивления капитализму. Постопераисты с их явным акцентом на всеобщность коммуникации и предшествующий ей «исход» пролетариата в пространство языка и культуры, параллельные капиталу и государству, дистанцируются от политики вообще, если под ней понимать борьбу за государственную власть (в отличие, например, от Ш. Муффа, которая настаивает на участии в демократических институтах). Если объектом власти в эпоху биополитики и всеобщей коммуникации становится непосредственно этот человек, то и сопротивление ей лежит в плоскости создания альтернативных пространств и образов жизни, избегающих аффиляции с капиталом и государством (Hardt & Negri, 2009, p. 152). В этом заключается глобальная субверсивная сила языка и всех способов его артикуляции от искусства до массовых акций протеста вроде *Occupy Wall Street*, которые дестабилизируют гомогенность символической структуры капитализма.

Основным двигателем этого процесса является коммуникация. Однако она, как и любой другой языковой феномен, нейтральна сама по себе и приобретает значение только благодаря определенной артикуляции. Это значит, что политический смысл коммуникации зависит от ее субъектов и целей, стоящих перед ними. Она может как закреплять неравенство, будучи фундаментом современного капиталистического производства, так и подрывать его, выступая основой солидарности внутри множества. Здесь мы обнаруживаем ту же амбивалентность языка, что и в других постмарксистских теориях, и она также находит свое выражение в противопоставлении. Язык империи противопоставлен языку множества.

Заключение

Мы постарались показать, что каждая из ведущих постмарксистских теорий предполагает аутентичную философию языка, которая влияет на ее понимание природы политического и социального. Резюмируя, можно сказать, что теоретический проект постмарксизма – это обновление наследия западного марксизма с помощью тех инструментов, которые предоставил языковой поворот. Конечно, он ставит под вопрос большинство базовых положений марксизма и даже открыто предлагает новую онтологическую парадигму. Неслучайно первые постмарксистские тексты второй половины 1980-х гг. начинаются

с обоснования этой онтологии, исходящей из символического конструирования политического пространства. При всей неоднородности постмарксизма, общая онтология все же предполагает несколько фундаментальных положений, разделяемых всеми направлениями. В качестве такого положения мы выделили амбивалентность языка, которая всегда проявляет себя в отношениях гегемонии и контргегемонии, полиции и политики, империи и множества.

В своем анализе современного капитализма все теоретики постмарксизма показывают, что за определенным символическим порядком (гегемонией) так или иначе скрывается неравное распределение репрезентации. Однако сопротивление ему также невозможно представить без сигнификации речи угнетенных. Обращая внимание одновременно на генеалогическую связь языка с неравенством и на его субверсивный потенциал в борьбе с ним, они делают важный шаг навстречу объединению философии языка с философией политической. И если постмарксизм не является именем синтеза этих двух философских дисциплин, то он хотя бы указывает на возможность продуктивного союза между ними.

Список литературы

1. Бадью, А. (2003). *Манифест философии*. СПб.: Machina.
2. Бадью, А. (2005). *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М.: Логос.
3. Вирно, П. (2013). *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
4. Грамши, А. (1959). *Избранные произведения. Т. 3: Тюремные тетради*. М.: Издательство иностранной литературы.
5. Жижек, С (1999). *Возвышенный объект идеологии*. М.: Художественный журнал.
6. Жижек, С. (2010). *О насилии*. М.: Европа.
7. Лакан, Ж. (2004). *Семинары. Кн. 11: Четыре основные понятия психоанализа*. М.: Гнозис; Логос.
8. Муфф, Ш. (2004). К агонистической модели демократии. *Логос*, (2), 180–197.
9. Рансьер, Ж. (2006). *На краю политического*. М.: Праксис, 2006.
10. Рансьер, Ж. (2013). *Несогласие: Политика и философия*. СПб.: Machina.
11. Терборн, Й. (2021). *От марксизма к постмарксизму*. М.: Издательский дом ВШЭ.
12. Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс.
13. Хардт, М., Негри А. (2004). *Империя*. М.: Праксис.
14. Хардт, М., Негри, А. (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
15. Hardt, M., & Negri, A. (2009). *Commonwealth*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.
16. Laclau, E. (2005). *On populist reason*. London: Verso, 2005.
17. Laclau, E., & Mouffe, Ch. (2001). *Hegemony and socialist strategy*. London: Verso.

18. Mouffe, Ch. (1999). *The challenge of Carl Schmitt*. London: Verso.
  19. Wrigth, S. (2017). *Storming heaven: Class composition and struggle in Italian autonomist Marxism*. Padstow: Pluto Press.
-

References

1. Badiou, A. (2003). *Manifest filosofii* [Manifesto for philosophy]. Saint Petersburg: Machina.
2. Badiou, A. (2005). *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike* [Metapolitics. Can politics be thought? A short treatise on metapolitics]. Moscow: Logos.
3. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazy'vat'*: rozhdienie tyur'my' [Discipline and punish: The birth of the prison]. Moscow: Ad Marginem Press.
4. Gramsci, A. (1959). *Izbrannye proizvedeniya. T. 3: Tyuremnye tetradi* [Selected works. Vol. 3: Prison notebooks]. Moscow: Izdatel'stvo inostranoj literatury.
5. Hardt, M., & Negri, A. (2004). *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praxis.
6. Hardt, M., & Negri, A. (2006). *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v e'poxu imperii* [Multitude: War and democracy in the age of empire]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya.
7. Hardt, M., & Negri, A. (2009). *Commonwealth*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.
8. Lacan, J. (2004). *Seminary. Kn. 11: Chetyre osnovnye ponyatiya psixoanaliza* [The seminars. Book 11: The four fundamental concepts of psychoanalysis]. Moscow: Gnozis, Logos.
9. Laclau, E. (2005). *On populist reason*. London: Verso.
10. Laclau, E., & Mouffe, Ch. (2001). *Hegemony and socialist strategy*. London: Verso.
11. Mouffe, Ch. (1999). *The challenge of Carl Schmitt*. London: Verso.
12. Mouffe, Ch. *K agonisticheskoy modeli demokratii* [Toward an agonistic model of democracy]. *Logos*, (2), 180–197.
13. Rancière, J. (2006). *Na krayu politicheskogo* [On the shores of politics]. Moscow: Praxis.
14. Rancière, J. (2013). *Nesoglasie: Politika i filosofiya* [Disagreement: Politics and philosophy]. Saint Petersburg: Machina.
15. Therborn, G. (2021). *Ot marksizma k postmarksizmu* [From Marxism to post-Marxism]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.
16. Virno, P. (2013). *Grammatika mnozhestva: K analizu form sovremennoj zhizni* [A grammar of the multitude: For an analysis of contemporary forms of life]. Moscow: Ad Marginem Press.
17. Wrigth, S. (2017). *Storming heaven: Class composition and struggle in Italian autonomist Marxism*. Padstow: Pluto Press.
18. Žižek, S. (1999). *Vozvyshenny'j ob'ekt ideologii* [The sublime object of ideology]. Moscow: Xudozhestvenny'j zhurnal.
19. Žižek, S. (2010). *O nasilii* [On violence]. Moscow: Evropa.

Информация об авторе

Даниил Аркадьевич Тютченко, студент департамента философии и религиоведения, Школа искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7960-5974>, e-mail: nowayborov@gmail.com

Information about the author

Daniil Arkadyevich Tyutchenko, Student, Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7960-5974>, e-mail: nowayborov@gmail.com